

ПУСТОЙ, как зимний пляж, перрон. Рубиновый огонек улетевшего поезда. Полночь. Метро.

— Что ты чувствуешь, когда выходишь на аплодисменты после спектакля?

— Что чувствую? — переспрашивает Сергей. — Скорее всего грусть. Потому что в тебе самом, кажется, остается гораздо больше, чем смог произнести. И хочется начать сначала, сыграть лучше...

Полчаса назад я аплодировал ему из переполненного душевного зала.

Обрывая нас на полуслове, из тоннеля выносятся поезд. До встречи! Пока! Я вижу, как Арцибашев идет по налитому светом вагону, садится, выуживает из портфеля книгу... Ему ехать долго. Где-то там, на окраине Москвы, он снимает крохотную комнатку. Сережа пока студент. Спектакль «Надежды маленький оркестрик», поставленный им в театре драмы и комедии на Таганке, — дипломная работа. По сути, дебют. Он же и играет в этом спектакле.

Две из трех новелл спектакля поставлены Арцибашевым еще в институте. Главные роли исполняла Нина Красильникова, дипломица ГИТИСа.

Редко какой театр откажет-

ДЕБЮТ

Штрихи к портрету молодого режиссера

ся ставить у себя на сцене дипломный спектакль. Совсем уж редки случаи, когда театр берет на сцену спектакль прямо, так сказать, со студенческой скамьи.

— Не люблю школярства, — скажет Юрий Петрович Любимов, — затянувшегося состояния ученичества. Эти всепрощающие эпитеты: молодой, начинающий... Художник может быть молод и зелен, но все, что он делает, обязано быть зрелым. И чем раньше он начнет общаться с широкой аудиторией, тем стремительнее произойдет его становление. Режиссеру необходимо ясное, критичное мышление, обостренное мироощущение. Мне кажется, что в Арцибашеве есть многие из необходимых для режиссера качеств.

СЕРЕЖКА Арцибашев мечтал стать футболистом. Во всяком случае в Калье, маленьком североуральском городишке, вряд ли можно было отыскать более пылкого поклонника футбола. И, может, этот факт не был бы примечателен, если бы в этом изначально не определилась суть характера Арцибашева, в конце концов приведшая его на сцену одного из самых популярных театров страны. Он был капитаном команды и вратарем. Именно вратарем, наперекор своему маленькому росту. Он потом часто в жизни выбирал непреодолимые на первый взгляд препятствия и учился их преодолевать. Равно так же начал играть в баскетбол, вызывая поначалу лишь насмешки зрителей, а потом взялся в сборную. Почему бросил спорт, в котором был удачлив? Наверное, потому, что цели стали достигаться легко, а скорее всего потому, что на этом прочном стволе страстного увлечения спортом как-то незаметно появилась веточка, удивившая Сережку далеко-далеко в сторону.

В параллельном пятом классе ставили спектакль о мальчишке-разведчике. На главную роль пригласили Сережу, чем он страшно гордился. А он уже играл на

«большой» сцене Дома культуры роль беспризорника.

— Значит, ты уже тогда решил стать актером?

— Нет. Я был небольшого роста и боялся, что меня ни в какой театральный институт не возьмут.

— А когда ты совершенно точно выбрал театр?

— Наверное, когда первый раз побывал в настоящем театре. Учился в политехникуме в Свердловске и вечером отправился в драмтеатр. Ставили «Мещан». И вот когда разошелся занавес и со сцены потянуло запахом клея, прохладой, ну, понимаешь, запахом театра, его словами не передать, у меня даже заныло сердце. Теперь думаю, что в эту секунду я начисто влюбился в театр...

Играл в студенческом театре, играл в Доме культуры главную роль в драме Кальдерона, но уже спорил с режиссером, доказывая свою правоту... Чтобы убедиться в ней, объявил об организации новой студии. И первое открытие: распределяя роли, и вдруг Таня Ненашева, скромная, тихая девочка, краснеющая от каждого грубого слова, сказала, что хочет сыграть Соньку — золотую ручку. И сыграла — ярко, легко, эффектно... Гораздо позже Сергей прочтет у Станиславского, что характерного актера различают не по амплуа, а по внутренним данным. Сергей был горд, что открыл эту истину сам. Хотя, кажется: прочти книгу, действуй...

Но Арцибашев сказал мне:

— Истины, не открытые тобой, а вызубренные, становятся не истиной — догмой и не помогают, а скорее мешают действовать. Я убежден, что каждый должен изобрести свой велосипед, дойти до уже известного самостоятельно и пойти дальше.

Генеральная репетиция первого в его жизни спектакля состоялась в сессию. Студенты сидели за кульманами и книгами, да и сам Сергей должен был чертить схемы для дипломной работы. Он обошел общежитие, пригласил: «Не понравится — уйдете». Не ушел никто.

В ГИТИС провалился на первом же туре. Но он выбрал театр и готов идти хоть монтировщиком декораций, хоть на любую работу, но в театр. Он поступил в театральное училище Свердловска. И тут жизнь свела Сергея с человеком, который стал для него Учителем. Василий Константинович Козлов, в прошлом актер, был преподавателем училища.

Вечерами Сергей провожал его далеко, на окраину Свердловска. Они шли пешком, ехали в трамвае, говорили. «Понимаете, Сережа, вам будет трудно в театре. Именно вам лично, с вашими неудобными сценическими данными, несоответствием внутреннего и внешнего... Нужно искать своего режиссера, который бы вам доверял и позволял вам проявить себя...». Он верил в Сергея и заставил его самого поверить в свои силы.

Учитель умер на улице. На руках у Сережи. В начале весны. Группа ставила выпускной спектакль. Группа не захотела, чтобы пришел человек со стороны. Спектакль поручили заканчивать Арцибашеву.

ОН СКАЖЕТ мне однажды, и я буду помнить его слова, которые были близки к тому, чтобы называться кредо или по крайней мере минимумом, меньше которого невозможно, а надо только больше: «...чтобы хоть кто-то в зале, хоть на мгновение ощутил в себе силы гармонии, испытал состояние духовного очищения, которое испытывает человек, соприкасаясь с искусством... И случись так, то, значит, игра стоила свеч, значит, получилось».

Выслушав это, я на всякий случай записал в блокнот строчку из его жизни: «В детстве Сережу Арцибашева учили музыке. Семья была богатая. Денег не хватало. И за музыку платили молоком. А дома фортепиано не было, и Сережа раскладывал на столе бумагу с нарисованной клавиатурой и «играл» на ней».

Может, в том смысле особенно и не было, но я записал и подумал: ведь другой на его месте, не поставь ему фортепиано, не стал бы учиться, плюнул бы на затею...

Но, впрочем, то другой.

М. ХРОМАКОВ.

На снимке: Сергей АРЦИБАШЕВ и Нина КРАСИЛЬНИКОВА. Сцена из спектакля. Фото автора.